

УДК 94: 271.2 (470) (575.2) (04)

БОРЬБА С РЕЛИГИЕЙ В КЫРГЫЗСТАНЕ В 30–50-е ГОДЫ XX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ВЕРХОВНОГО СУДА КР)

Е.В. Носова

Рассматривается репрессивная политика советского государства против верующих.

Ключевые слова: религия; репрессивные органы; карательная политика; верующие.

Советская репрессивная система создавалась в течение ряда лет и своими корнями уходит в период Октябрьской революции и гражданской войны.

Официальным проводником исправительно-трудовой политики Советской власти стал Наркомат юстиции и его Карательный отдел. Им были созданы такие нормативные акты, как Постановление Наркомата юстиции от 23 июля 1918 г. “О лишении свободы, как мере наказания, и о порядке отбывания такового (Временная инструкция)”, “Положение об общих местах заключения РСФСР” от 15 ноября 1920 г. и ряд других официальных документов [1].

После Октябрьской революции стала формироваться сеть новых карательных учреждений – лагерей принудительного труда, ставших впоследствии основным каналом реализации карательной политики Советского государства.

Первые лагеря на территории Советской республики появились летом 1918 г. – для “провокаторов, контрреволюционных офицеров, саботажников, паразитов и спекулянтов”. Официально их появление закрепил декрет СНК от 5 сентября 1918 г. “О красном терроре”. Совнарком ставил задачу ограждения Советской республики от классовых врагов путем заключения их в концентрационные лагеря. Последовавший за этим декретом ряд приказов НКВД требовал, чтобы превентивному аресту были подвергнуты представители офицерства и буржуазии [2: 130–131].

В борьбе за выживание новая власть стремилась если не уничтожить своих врагов физически, то хотя бы изолировать их, сломить морально и нравственно, заставив под конвоем работать на себя. Идеально для этой цели подходили лагеря – концентрационные, принудительных работ, особого назначения, исправительно-трудовые и т.д.

Начало правовому регулированию деятельности лагерей положил декрет ВЦИК “О лаге-

рях принудительных работ”, опубликованный в “Известиях” 15 апреля 1919 г. Первоначальная организация и заведование лагерями принудительных работ возлагались на губернские Чрезвычайные комиссии. Заключение в лагерь подлежали те, в отношении которых были приняты соответствующие постановления отделов управления исполкомов Советов, ЧК, ревтрибуналов, народных судов и других советских органов [3]. Для управления лагерями при НКВД создавалось Центральное управление лагерей.

17 мая 1919 г. ВЦИК издал постановление “О лагерях принудительных работ”, в котором детально регламентировались порядок и условия организации лагерей. Рекомендовалось устраивать лагерь с учетом местных условий (в черте города, поместьях, монастырях, усадьбах и т.д.), численностью не менее 300 чел. в каждом. Общее управление всеми лагерями на территории РСФСР поручалось Отделу принудительных работ НКВД. Предполагалось, что содержание лагерей и администрации при полном составе заключенных будет окупаться трудом заключенных (в лагерь направлялись лица, годные к физическому труду). Строго карались побеги: за первую попытку срок заключения увеличивался в 10 раз, за вторую, по решению революционного трибунала, можно было получить расстрел [4].

Отдел принудительных работ НКВД был реорганизован в 1921 г. в Главное управление лагерей принудительных работ [2: 131]. В 1922 г. карательную политику в Советском государстве осуществляли три ведомства: 1) Народный комиссариат юстиции в лице его Центрального исправительно-трудового отдела; 2) ГПУ, располагавшее собственными лагерями и тюрьмами; 3) Наркомат внутренних дел, где этой сферой деятельности ведали Главное управление принудительных работ и Главмилиция, в ведении которой находились арестные дома. Названные государственные

структуры рассматривали карательную политику как одну из функций собственных ведомств. Например, в “Положении об общих местах заключения РСФСР” 1920 г. указывалось, что к ведению местных карательных отделов относится “проведение в жизнь начал, положенных в основу карательной политики Народного комиссариата юстиции” [5: 58, 62]. В систему мест заключения НКЮ входили тюрьмы, сельскохозяйственные колонии и фермы, а также учреждения для несовершеннолетних и больных [6: 104].

Деятельность мест заключения, подведомственных НКВД, регламентировалась Исправительно-трудовым кодексом РСФСР, принятым 16 октября 1924 г. [6: 137]. Согласно отчету Главного Управления мест заключения республики XI съезду Советов, концентрационные лагеря были повсеместно ликвидированы или преобразованы в места заключения общего типа еще в 1923 г. [7: 24]. Но в стране по-прежнему продолжали существовать две карательные системы – в составе НКВД и ГПУ/ОГПУ.

Созданное в феврале 1922 г. Государственное политуправление, заменившее ВЧК, в конце 1923 г. выделилось из Наркомата внутренних дел и было подчинено Правительству. Вместе с ГПУ была создана репрессивная система, в которую вошли подведомственные ему внутренние тюрьмы, изоляторы и концентрационные лагеря особого назначения [8: 3]. Деятельность этой системы базировалась на внутриведомственных актах, она не подчинялась общегосударственному законодательству, то есть была исключена из поля зрения общественности. Главлит издал ряд секретных циркуляров, которые запрещали публиковать сведения о его деятельности [9: 34].

28 марта 1924 г. ЦИК утвердил Положение о правах ОГПУ в части административных высылки, ссылки и заключения в концентрационный лагерь. Такие решения оформлялись Особым совещанием ОГПУ, которое, являясь внесудебным органом, имело полномочия рассматривать уголовные дела по обвинениям в деяниях, угрожающих советскому строю (контрреволюционная пропаганда и агитация, измена Родине, дезертирство в военное время, вредительство и т.д.) и выносить приговоры по результатам расследования¹. Одновременно с ним активную внесудебную деятельность продолжала и коллегия ОГПУ,

¹ Особое совещание имело право выносить приговоры о тюремном заключении, ссылке или высылке обвиняемых, а также о применении других мер наказания. В 1941–1945 гг. могли приговаривать к смертной казни. – Авт.

особенностью которого было то, что в его жернова мог попасть практически любой человек и навсегда остаться в поле его зрения.

Террор против политических противников имел целью уничтожить всякую возможность политической оппозиции и пресечь любые попытки инакомыслия. Советский партийный и профсоюзный деятель М.П. Томский в 1927 г., выступая на XV съезде ВКП (б), говорил: “В обстановке диктатуры пролетариата может быть и две, и три, и четыре партии, но только при одном условии: одна партия будет у власти, а все остальные – в тюрьме” [10: 291]. На том же XV съезде ВКП (б) председатель СНК СССР А.И. Рыков заявил: “Я думаю, что нельзя ручаться за то, что население тюрем не придется в ближайшее время несколько увеличить” [11: 338].

26 марта 1928 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление “О карательной политике и состоянии мест заключения”. В документе отмечался ряд отрицательных явлений и крупных недочетов в деятельности судов и в постановке карательной системы. Правительство требовало “признать необходимым применять суровые меры репрессии исключительно в отношении классовых врагов и деклассированных преступников-профессионалов...”. В отношении лиц, не поддающихся, по мнению “органов”, исправлению, предлагалось ставить вопрос о продлении срока или о принятии новых мер социальной защиты. Предлагалось ограничить льготы (зачет рабочих дней, предоставление отпусков, перевод в льготные разряды) классово-чуждым элементам и социально-опасным преступникам. Документ расширял полномочия начальников мест заключения по поддержанию соответствующего режима в местах лишения свободы [6: 202–207].

Совет Народных Комиссаров СССР (Совет Нарком, СНК)², во исполнение указанных директив Политбюро, 11 июля 1929 г. принял специальное Постановление “Об использовании труда уголовно-заключенных” [12: 210–212].

В нем говорилось:

“1. Осужденных судебными органами Союза и союзных республик к лишению свободы на сроки на три года и выше передать и пере-

² Совет Народных Комиссаров СССР – с 6 июля 1923 по 15 марта 1946 г. – высший исполнительный и распорядительный (в первый период существования также и законодательный) орган СССР, его правительство (в каждой союзной и автономной республике также был Совет Народных Комиссаров, например, СНК РСФСР и т. п.). – Авт.

давать впредь для отбытия лишения свободы в исправительно-трудовые лагеря, организуемые ОГПУ...

2. ОГПУ для приема этих заключенных расширить существующие и организовать новые исправительно-трудовые лагеря в целях колонизации этих районов и эксплуатации их природных богатств путем применения труда лишенных свободы...

7. Настоящее постановление ввести в жизнь немедленно”.

6 ноября 1929 г. ЦИК и СНК СССР внесли изменения в “Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик”, принятые в 1924 г. Статья 13 этого документа, в частности, гласила: “Мерами социальной защиты судебно-исправительного характера являются: ...б) лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях в отдаленных местностях Союза ССР”, а статья 18 добавляла: “на срок от трех до десяти лет” [13]. Так впервые в советском законодательстве появился термин “исправительно-трудовой лагерь” (ИТЛ) и “новый” вид уголовного наказания, через которое прошли миллионы ни в чем не повинных граждан.

7 апреля 1930 г. СНК СССР принял официальное “Положение об исправительно-трудовых лагерях” [13]. В ИТЛ направлялись лица, приговоренные судом к лишению свободы на срок не ниже трех лет, а также лица, осужденные постановлением коллегии или Особого совещания ОГПУ. Лагеря находились в ведении ОГПУ, наделялись неограниченной властью над заключенными, которые фактически выпадали из юрисдикции действующего законодательства.

Наряду с лагерями ОГПУ в стране продолжала действовать карательная система НКВД, куда входили тюрьмы, исправительно-трудовые колонии, пересыльные пункты и т.д. После ликвидации 15 декабря 1930 г. народных комиссариатов внутренних дел союзных республик эти места заключения передавались в ведение народных комиссариатов юстиции союзных республик. На Наркомат юстиции РСФСР возлагалось “общее руководство исправительно-трудовой политикой и проведение в жизнь исправительно-трудового законодательства” [14]. Курс на обострение классовый борьбы нашел отражение в новом Исправительно-трудовом кодексе РСФСР, утвержденном 1 августа 1933 г. В качестве основной задачи уголовной политики пролетариата на переходный период от капитализма к коммунизму Кодекс определял защиту “диктатуры пролетариата и осуществляемого им социа-

листического строительства от посягательств со стороны классово-враждебных элементов и нарушений со стороны как деклассированных элементов, так и неустойчивых элементов из среды трудящихся” [14]. В этом документе речь шла преимущественно о трудовых колониях и сроках заключения до 3-х лет.

10 июля 1934 г. постановлением ЦИК был образован общесоюзный Народный комиссариат внутренних дел, в состав которого на правах Главного управления вошло ОГПУ [15]. 17 сентября в ведение НКВД были переданы конвойные войска, а 27 октября – исправительно-трудовые учреждения, существовавшие ранее в системе НКЮ. Для руководства ими был образован отдел мест заключения – ГУЛаг¹ (Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения).

Данные о количестве пострадавших в годы репрессий кардинально разнятся. Так, в справке, направленной в конце 1953 г. секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву, сообщалось, что Особым совещанием за годы его существования было осуждено 442531 чел., среди которых были лишенные свободы, ссыльные и высланные (в пределах страны, за границу), находившиеся под стражей и на принудительном лечении [16]. Однако иные источники позволяют сделать вывод, что эти цифры занижены. При анализе 46-ти докладных записок, направленных в 1944 г. наркомом Л. Берией, одним из главных организаторов массовых репрессий, И. Сталину с указанием, какого числа состоялось Особое Совещание, какое количество следственных дел рассмотрено, сколько человек осуждено всего, из них – к расстрелу и разным срокам наказания установлено, что только в 1944 г. было осуждено не 10611 чел., а 27456 чел. [17].

Возглавлял Особое Совещание народный комиссар, в качестве его членов выступали его ближайшие помощники и заместители. Прокурор не входил в состав Особого Совещания, но его присутствие на заседаниях считалось обязательным. Иногда он пытался вмешиваться в работу этого внесудебного органа. Так, 10 июня 1939 г. гос. обвинитель А. Вышинский обратился в ЦК ВКП (б), к И. Сталину, и в СНК СССР, к В. Молотову, с запиской, в которой сообщалось

¹ ГУЛаг – подразделение НКВД, министерства внутренних дел, министерства юстиции СССР, осуществлявшее руководство системой исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) в 1934–1960 гг., важнейший орган системы политических репрессий СССР. – Авт.

о возможности принятия ошибочных решений. Прокурор предлагал “установить такой порядок работы Особого Совещания, чтобы заседания его созывались чаще и с рассмотрением в каждом заседании меньшего количества дел” [18: 1]. Впоследствии выяснилось, что Особое Совещание за одно заседание могло осудить около тысячи человек [19: 284, 297].

Первоначально полномочия Особого Совещания были ограничены: оно имело право без суда и следствия ссылать, высылать, заключать в исправительно-трудовые лагеря на срок до 5 лет [20]. К началу 40-х гг. все ограничения были сняты. Особое Совещание получило право осуждать к 25-летним срокам заключения, а также приговаривать осужденных к расстрелу.

27 мая 1935 г. в составе НКВД – УНКВД республик, краев и областей, подчинявшихся напрямую центру, были организованы “тройки” – орган внесудебного вынесения приговоров (1937–1938 гг.) – с наделением их правами Особого Совещания. 30 июля 1937 г. по приказу наркома внутренних дел была создана разновидность “троек” для рассмотрения дел в отношении бывших кулаков, членов антисоветских партий, белогвардейцев, жандармов и чиновников царской России, церковников и сектантов, а также бандитов и уголовников-рецидивистов. Их разбивали на две категории: “наиболее враждебных из перечисленных выше элементов” ждал расстрел, остальные подлежали заключению в лагерь или тюрьму на срок от 8 до 10 лет. Этот же приказ определял и персональный состав “троек”: председателями были наркомы внутренних дел республик, начальники краевых, областных Управлений НКВД, членами – первые секретари ЦК компартий союзных республик, краевых или областных комитетов ВКП (б) и республиканские, краевые или областные прокуроры [21: 82].

11 августа и 20 сентября 1937 г. вышли приказы НКВД о формировании “двоек” (наркомы внутренних дел и прокуроры) [20]. “Высшую двойку” составляли Председатель Верховного Суда СССР и Прокурор СССР. Постановления этого органа мог отменить или пересмотреть только Пленум Верховного Суда СССР.

Все это приучало общество жить в постоянном напряжении и страхе. От репрессий и произвола в Советском Союзе не был застрахован никто.

С середины 30-х гг. ГУЛаг начинает развиваться быстрыми темпами. В апреле 1938 г. начальник ГУЛага И.И. Плинер, отчитываясь на

закрытом партийном собрании, заверил присутствовавших, что “в ближайшее время мы будем иметь 42 лагеря” [22].

Были и другие лагеря (объединения) НКВД:

- Дальневосточный – 60 417 чел.
- Сибирский – 61 251 чел.
- Среднеазиатский – 26 829 чел.
- Карагандинский – 25 109 чел.
- Севвостлаг (на Колыме) и им подобные –

36 010 чел. [23: 32].

В 1940 г. ГУЛаг объединял 53 лагеря с тысячами лагерных отделений и лагпунктов, 425 колоний – промышленных, сельскохозяйственных и прочих, 50 колоний для несовершеннолетних, 90 “домов младенца” [24: 13]. К началу войны число заключенных в лагерях и колониях, по официальным данным, составляло 2,3 млн. чел.

В Кыргызстане среди репрессированных были пострадавшие и за религиозные взгляды. Их осуждали по двум статьям. Статья 58-10 ч. 2 УК РСФСР предусматривала уголовную ответственность за пропаганду и агитацию, содержащие призывы к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных выступлений. Статья 58-11 – уголовную ответственность за организованную деятельность, направленную на подготовку или совершение контрреволюционных преступлений.

Полные данные пока не представляется возможным собрать и обработать, поскольку они находятся в различных архивах и в большинстве своем засекречены. В связи с этим приходится довольствоваться теми немногочисленными материалами, которые удается получить. В данной статье проанализированы архивные материалы Верховного Суда Кыргызской Республики.

На рис. 1 представлены данные о религиозных направлениях в Киргизской ССР и количестве их членов, выявленные по делам реабилитированных в 50-е гг. XX в.

Согласно информации о количестве репрессированных за религиозные убеждения за 1935–1953 гг. пострадало 334 человека (рис. 2). При чем пик репрессий приходится на 1949–1952 гг., что было связано с новым “закручиванием гаек” режимом в послевоенный период против “религиозной оттепели” военного времени.

Среди пострадавших в большей степени в этот период времени оказались последователи сектантских организаций. Это было связано с тем, что православие и ислам в годы Великой Отечественной войны сделали все возможное, чтобы поддержать воюющую страну и народ, в

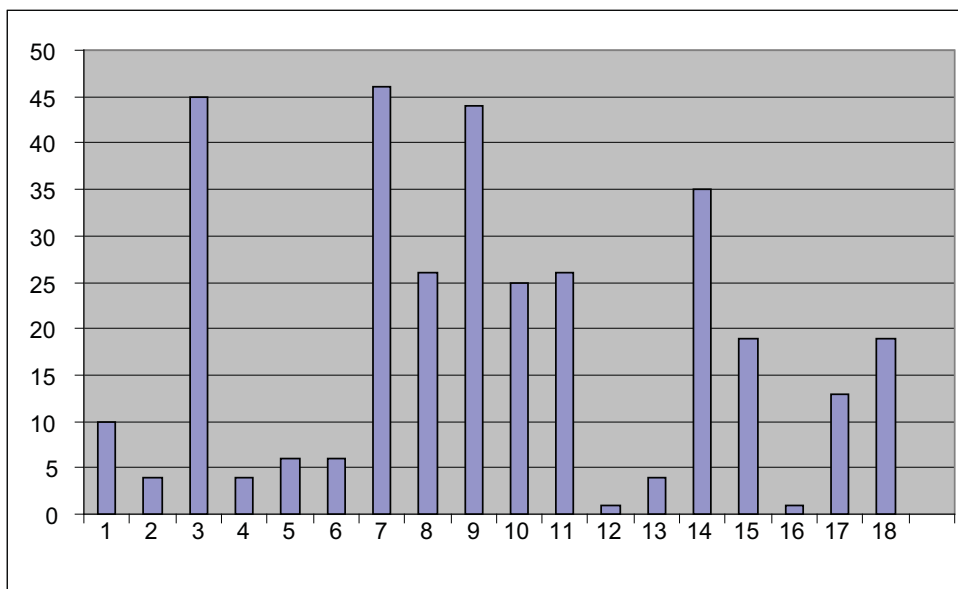

Рис. 1. Религиозные направления в Кыргызской Республике.

1. Православие	10. Пятидесятники
2. Старообрядцы	11. Меннониты
3. Истинно-православная церковь	12. Мормоны
4. Последователи Ильи-крестителя	13. Евангелисты
5. Секта хлыстов	14. Свидетели Иеговы
6. Секта хлыстов Старого Израиля	15. Субботники
7. Ислам	16. Балтийско-Евангельский блок
8. Баптисты	17. Адвентисты-реформисты верного остатка
9. Адвентисты седьмого дня	18. Религиозные убеждения

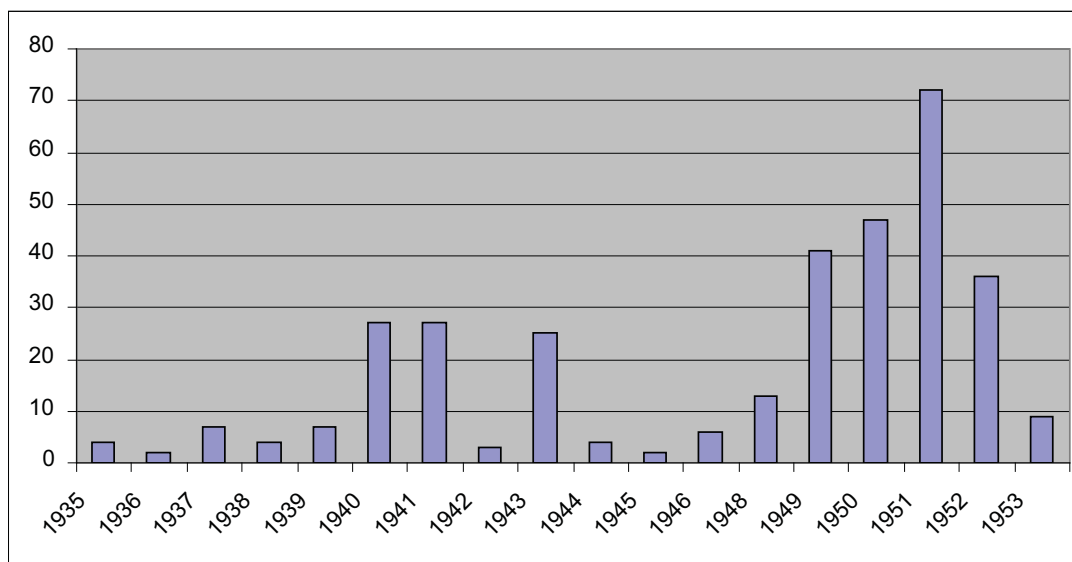

Рис. 2. Количество репрессированных по годам.

то время как секты самоустранились от общей беды [25–33].

Таким образом, мы можем констатировать, что репрессивная машина советского государства не только держала миллионы людей в состоянии физического и духовного угнетения, но и активно использовала “население” лагерей в интересах решения хозяйственных задач, которые были весьма сложны и ответственны. Они включали строительство многих промышленных объектов, гидротехнических сооружений, каналов, железных и шоссейных дорог. Заключение ГУЛага должны были добывать нефть, уголь и золото, заготавливать древесину, ловить рыбу, выращивать хлопок и т.д. Выполнение этих работ затруднялось тем, что подавляющее большинство объектов находилось в необжитых районах Крайнего Севера, Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии, где не было ни дорог, ни жилья, ни элементарных условий для человеческого существования.

Литература

1. СУ. 1921. №23–24. Ст. 141.
2. *Верт Н.С.* История Советского государства: 1900–1991. – М., 1992.
3. СУ. 1919. № 12. Ст. 124.
4. СУ. 1919. № 20. Ст. 235.
5. *Детков М.Г.* Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 гг. – М., 1992.
6. Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву. – М., 1959.
7. *Гиляров Е.М., Михайличенко А.В.* Становление и развитие ИГУ Советского государства (1917–1925). – Домодедово, 1990.
8. Пенитенциарное дело в 1923 г. Отчет Главного управления мест заключения республики XI съезду Советов. – М., 1924.
9. *Горчева А.Ю.* Главлит: становление советской тотальной цензуры // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 1992. – № 2.
10. Пятнадцатый съезд ВКП (б). Стенограф. отчет. – М., 1961. Т. I.
11. XVI Московская губернская конференция ВКП (б). Стенограф. отчет. VI. 1928.
12. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 48.
13. СЗ. 1929. № 72. Ст. 686; 1930. №22. Ст. 248.
14. СУ. 1931. №4. Ст. 38; 1933. №48. Ст. 208.
15. СЗ. 1934. №36. Ст. 283.
16. ЦХСД. Ф. 89. Пер. 18. Док. 33.
17. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 64–68.
18. ЦХСД. Ф. 89. Пер. 18. Док. 2.
19. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 95, 98.
20. СЗ. 1935. № 11. Ст. 84.
21. О внесудебных органах // Известия ЦК КПСС. 1989. № 10.
22. ЦОДМ. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 175. Т. ГЛ. 33–34.
23. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 951.
24. *Земсков В.Н.* ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. – М., 1991.
25. Архив Верховного Суда Кыргызской Республики. Постановления Президиума по уголовным делам. 1954. (за 1949–1953 гг.)
26. Архив Верховного Суда Кыргызской Республики. Постановления Президиума Верховного Суда по всем областям. 1955. (за 1941, 1948–1953).
27. Архив Верховного Суда Кыргызской Республики. Постановления Президиума Верховного Суда Кыргызской ССР. 1956. (за 1941, 1943 гг.)
28. Архив Верховного Суда Кыргызской Республики. Постановления Президиума Верховного Суда по контрреволюционным делам (по всем областям). 1957. (за 1937 г.); 1961. (за 1936 г.); 1964. (за 1941, 1952 гг.); 1966. (за 1941, 1949, 1950 гг.); 1969. (за 1940 г.); 1975. (за 1943 г.)
29. Архив Верховного Суда Кыргызской Республики. Постановления Пленума и Президиума Верховного Суда. 1989. (за 1936, 1937, 1952 гг.); 1990. (за 1935, 1937, 1939, 1940, 1941, 1942, 1944, 1948–1951 гг., 1953 г.)
30. Архив Верховного Суда Кыргызской Республики. Постановления Пленума и Президиума Верховного Суда Кыргызской ССР по контрреволюционным делам. 1989. (за 1940, 1945, 1946, 1948, 1949–1951 гг.); 1991. Т. I. (за 1937, 1943 гг.); 1991. Т. II. (за 1941, 1948, 1950, 1952 гг.); 1992. Т. I. (за 1938, 1940, 1941, 1949 гг.)
31. Архив Верховного Суда Кыргызской Республики. Определения Коллегии по контрреволюционным делам. 1990. Т. I. (за 1941 г.); 1991. Т. I. (за 1939, 1942, 1943 гг.); Т. II. (за 1938 г.); 1992. Т. I. (за 1938, 1940 гг.)
32. Архив Верховного Суда Кыргызской Республики. Определения Судебной коллегии по репрессированным делам. 1994. (за 1941 г.)
33. Архив Верховного Суда Кыргызской Республики. Копии Постановлений Президиума Верховного Суда по реабилитации, 1995–1999. (за 1943).